УДК 008:32

Д. В. Волгина

Культурные стереотипы психологии власти

Статья раскрывает основные принципы механизма власти, базирующиеся на восприятии человеком окружающей обстановки посредством культурных стереотипов. Рассматриваются манипуляторные концепции общественного сознания, широко применяемые в современном мире.

Ключевые слова: власть, культурный стереотип, сознание, подсознание, культурный архетип, психологические манипуляции

Darya V. Volgina

Cultural stereotypes psychology of power

The article reveals the basic principles of the mechanism of power, based on the human perception of the environment by means of cultural stereotypes. Considered manipulator concept of social consciousness, widely used in the world today.

Keywords: power, cultural stereotype, consciousness, subconscious, cultural archetype, psychological manipulation

Власть всегда открывала широкие возможности для получения различных благ: дохода, престижа, выгодных связей, привилегий и т. п. Если бы не наличие столь привлекательных привилегий, то многие предпочли бы уклониться от руководящих должностей и связанной с ними ответственности. Для таких субъектов стремление попасть во власть является способом использовать ее как средство для реализации других целей[1]. Чтобы возникли властные отношения, власть имущему субъекту необходимо обладать рядом определенных качеств. Пожалуй, главными из них можно назвать желание властвовать, проявляющееся в приказах, распоряжениях и принуждении. Как это ни странно, но значительная часть людей не испытывает какого-либо психологического удовольствия при наделении властью своей личности, постольку поскольку не отождествляют власть как ценность.

Помимо возложения на себя ответственности, связанной с обладанием власти, сам властвующий субъект должен быть компетентным, уметь улавливать состояние и настроение подчиненных, использовать ресурсы, обладать авторитетом.

Передача властного отношения субъектом к объекту власти происходит через распоряжение или приказ, в котором предписывается надлежащее поведение объекта власти, зачастую указываются санкции, которые последуют в случае невыполнение распоряжения.

Если не рассматривать власть как человеческое самообладание, которое предполагает власть разума над поведением, то во всех остальных случаях власть не является свойством одного действующего лица. Власть – всегда взаимодействие ее субъекта и объекта с доминированием воли властителя. Она не может существовать без подчинения объекта. «Если такого подчинения нет, то нет и власти, несмотря на то, что стремящийся к ней субъект обладает ярко выраженной волей властвования и даже мощными средствами принуждения. В конечном счете, у объекта властной воли всегда есть пусть крайний, но все же выбор – погибнуть, но не подчиниться»[2].

Диапазон отношений объекта к субъекту властвования может претерпевать изменения, начиная от борьбы до уничтожения, вплоть до добровольного повиновения. Подчинение в человеческом обществе столь же естественно, сколько и руководство. Психологическая готовность индивида к подчинению базируется на ряде условий: в зависимости от характера требований властителя, от ситуации, в которой происходит воздействие власти, от самих средств воздействия, а также от того, как исполняющее лицо воспринимает власть имущего субъекта и обладает ли последнее авторитетом.

Во многом качества объекта подчинения определяются политической культурой, что присуща социальной среде, где формировалась его личность. Наибольшую покорность формируют патриархальный и подданнический типы политических культур. Доминанта в обществе людей, имеющих привычку повиноваться, формирует благоприятную почву для авторитарных и тоталитарных режимов. Данный тип политической культуры характерен для стран восточного и

азиатского регионов, таких как Китай, Корея, Япония, Монголия и др.

Не стоит забывать, что весьма существенную роль, как в политической, так и в повседневной жизни играет власть стереотипов. Ф. Бэкон в свое время подчеркнул, что аналитической работе мысли мешают определенные шаблоны сознания[3]. Ф. Ницше говорил о некотором «мире смутных чувств», представляющим хаос из неоформившихся должным образом идей, которые характеризуют поведение человека[4].

Данная позиция получила широкий резонанс во время Первой мировой войны. Именно в это время получают повсеместное распространение манипуляторные концепции общественного сознания. С этих пор в обществе начинает формироваться своеобразная «индустрия сознания», где представление о человеке шло как о продукте внешних условий и внешнего воздействия.

Известный американский публицист Уолтер Липпман в своем исследовании «Общественное мнение» в области социальной психологии пришел к выводу, что человек весьма ограничен в своих возможностях объективно оценивать реальность, так как он живет в мире расплывчатых образов и нечетких картин[5].

К сожалению, на обдумывание заново каждой ситуации наряду с повседневными заботами ни у кого из нас не хватит ни времени, ни сил. Мы выделяем для себя то, что наша культура уже наделила значением для нас, и впоследствии мы в первую очередь воспринимаем то, что мы выделили из окружающего мира в форме стереотипа, созданного для нас культурой. Стереотип для людей – незримый помощник в столь активно развивающемся мире, он помогает нам знать о мире еще до момента осуществления опыта знакомства с ним. При знакомстве с миром мы схватываем и усваиваем изначально лишь те образы, что стереотипизированы для нас господствующей культурой[6]

Подобающее большинство личностей постоянно вовлекается в сферу социального общения для реализации своей потребности в коммуникации. Исходя из этого, формируется модель коллективного сознания, включающая в себя как научные, так и обыденные представления, воображение и эмпирическую достоверность, моду, традиции и внутренний мир индивида.

Если рассматривать модель коллективного сознания с точки зрения фрейдистских истолкований, то все духовные проблемы состоят лишь в том, что люди не осознают скрытых механизмов своего поведения. И как следствие, общественное мнение можно понять, разъяснив скрытые влечения человека[7].

Можно посмотреть на данную ситуацию с точки зрения «социального аналитика» У. Липпмана. Исследователь делает акцент на изучении самого «окружения» человека и определяет его как некую условную среду, которая по своей сути является фикцией[8]. Природу стереотипа он характеризует как универсальную эмоционально окрашенную установку.

На протяжении истории общество не всегда стремится быть осведомленным, во многом это обусловлено слабо развитой системой коммуникации и все еще остающейся элитарной системой образования. В XX в. происходит смещение ценностей – людей стала интересовать не только сфера их жизнедеятельности, но и события, далеко выходящие за данные рамки. Технологический прогресс и более доступное образование стало ключевым моментом в сдвиге сферы интересов значительного числа населения стран, не находящегося за чертой бедности.

Именно Липпман был первым в истории политической практики, кто провел исследование и наглядно показал, что сообщение, переданное каналами информации, не может адекватно откладываться в сознании индивида. Наоборот, оно породит стереотип, действительное содержание которого весьма сложно предвидеть, так как оно обусловлено индивидуальными особенностями восприятия[9]. А восприятие зависит от господствующей культуры для каждого.

В природе подчинения особая роль отводится в том числе и архетипу: от греческого «arche» – начало и «typos» – форма, образец. В позднеантичной философии термин означал «прообраз» или «идею». Однако широкое распространение он получил в западной литературе под влиянием работ швейцарского психолога Юнга и стал обозначать первичные врожденные структуры так называемого «коллективного бессознательного, архаический психический „осадок“ повторяющихся жизненных ситуаций, задач и переживаний человека»[10], иными словами – это первичный образ, относящийся к самым ранним обнаружениям души.

К. Г. Юнг называл архетипами простые и функциональные образы, существующие в коллективном бессознательном[11]. Ему удалось вывести данное понятие благодаря многократно повторяющимся наблюдениям о том, что мировую литературу определяют сказки и мифы, содержащие повторяющиеся раз за разом мотивы. Такие же мотивы мы неустанно встречаем в повседневных сновидениях и фантазиях. Свое происхождение они берут из неосознаваемого самого по себе архетипа, наследуемого первообраза от своего родового прошлого, включа-

ющего в себя предков, как человеческих, так и прачеловеческих.

Архетипы являются первоэлементом коллективности бессознательного и определяются больше формально, чем содержательно. По Юнгу, содержательно можно определить только первообраз, но лишь тогда, когда он осознан и в силу этого наполнен материалом сознательного опыта. Сам по себе архетип является пустым формальным элементом и обнаружить его в чистом виде нельзя, так же как нельзя обнаружить существование инстинктов, до тех пор пока они не проявят себя в чем-то конкретном[12].

Наш выбор охарактеризован эмоциями и логическим анализом, являющимся прерогативой сознания, который мы делаем исходя из имеющихся знаний и здравого смысла. Архетипы могут действовать по собственной инициативе и обладают индивидуальной специфической энергией.

Лучшим свидетельством иррационального в культуре могут служить безымянные явления, не имеющие авторов. К таким свидетельствам можно отнести мифы, эпические сказания, традиции, сказки, музыку, ритуалы. В своем интервью газете «Аргументы и факты» композитор Владимир Мартынов говорит о том, что древние мелодии никто не сочинял и они являются музыкальными архетипами, рожденными из коллективного бессознательного. Возникновение новой музыкальной модели объясняли божественным откровением, но ритуальную весеннюю закличку на трех нотах нельзя выдумать одному человеку[13].

Несмотря на то, что коллективное бессознательное – культурный феномен, от поколения к поколению оно передается с помощью биологических механизмов. Оно является отражением опыта прежних поколений, запечатлевшимся в структурах мозга. У первобытных людей этот слой был на поверхности тогда, когда различить сознательное и бессознательное было еще невозможно.

Как у биологического существа у человека нет выбора, кроме как действовать специфически человеческим образом и выполнять свои модели поведения. В действии каждого инстинкта запечатлен ведущий образ, причем он более очевидный для человека, нежели для животных. Такие протообразы нельзя именовать архетипами, в связи с тем, что на психическом уровне они еще не отделены от инстинктов. Выражаясь в снах, фантазиях они отображают психику как особый способ человеческого бытия. Когда речь идет о психике, отделившейся в процессе эволюции от инстинктов, то это дает основание полагать, что в недрах психики остались протообразы, ставшие архетипами. К архетипным образам относятся такие как: отец, мать, ребенок, мудрый старец, правитель и так далее. В более абстрактных формах такие образы продолжают жить в социологии, философии и политике.

Механизмы власти можно выявить на основе философских и психологических исследований, причем базой для философского анализа должны служить труды психологов, что и было продемонстрировано в данной статье.

Примечания

[1] Основы теории политической системы / Г. Н. Манов, М. Н. Марченко, В. В. Мшвериадзе. М.: Наука, 1985. С. 94–97.

[2] Панарин А. С. Политология: зап. и вост. традиция. М.: Кн. дом Университет, 2002. С. 63.

[3] Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 473–480.

[4] Ницше Ф. Воля к власти / пер. Е. Герцык. М.: Азбука-классика, 2010. С. 97–103.

[5] Lippman W. Public Opinion. New York: Nuvision Publications, 2007. P. 20.

[6] Ibid. P. 30.

[7] Фрейд З. Тотем и табу. М.: Act, 2008. С. 245–249.

[8] Lippman W. Op. cit. P. 48.

[9] Ibid. P. 57–59.

[10] Архетип // Философский словарь / под. ред. И. Т. Фролова. М., 1987. С. 30.

[11] Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 165.

[12] Там же. С. 173–174.

[13] Вся музыка уже написана: интервью с композитором Владимиром Мартыновым // Аргументы и факты. 2003. № 22. С. 17.